

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

О перстосложении для крестного знамения и благословения

Опубликовано:

Христианское чтение. 1904. № 2. С. 214-237.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

О ПЕРСТОСЛОЖЕНИИ

ДЛЯ КРЕСТНАГО ЗНАМЕНІЯ И БЛАГОСЛОВЕНІЯ *).

V.

Перстосложеніе въ церкви греко-восточной.

ДО УЧЕНІЮ раскольниковъ, двуперстіе, содержимое ими, будучи предано отъ Христа, существовало во времена апостоловъ, и затѣмъ неизмѣнно держалось въ православной вселенской церкви до конца X столѣтія, когда было передано съ христіанскою вѣрою на Русь, и даже дагѣе—до тѣхъ поръ, пока наконецъ иподіагонъ Дамаскинъ не научилъ грековъ троеперстію. Въ виду этого мы должны обратиться къ исторіи перстосложенія въ греко-восточной церкви.

Итакъ, какое перстосложеніе существовало въ восточной церкви? Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ тотъ, что христіане вселенской церкви *въ разное время и по разнымъ мѣстамъ различно* знаменовались крестнымъ знаменіемъ, смотря по тому, какую мысль вѣры, какое чувство нужно было выразить этимъ внѣшнимъ дѣйствіемъ, по обстоятельствамъ времени. Частичнѣе раскрытіе этого общаго положенія начнется съ вопроса о древности самаго крестнаго знаменія, о самомъ его началѣ. Обычай изображать на себѣ крестное знаменіе восходитъ у христіанъ къ глубокой древности. Уже пресвитеръ Тертуліанъ, по отношенію къ своему времени, т. е. къ послѣдней четверти 2-го вѣка и къ началу 3-го, говоритъ о немъ, какъ о всеобщемъ и незапамятно-древнемъ

*) Продолженіе. См. январь.

обычаѣ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ неписанному предаію, утвержденномъ преемствомъ изъ рода въ родъ и сохраненномъ благочестіемъ. По его свидѣтельству, христіане изображали знаменіе креста при началѣ каждаго новаго дѣла. при каждомъ новомъ состояніи, напр. когда входили въ домъ или выходили изъ дома, когда одѣвались, когда садились за столъ, или—отходили ко сну. Позднѣе св. Василій Великій прямо и положительно относить этотъ обычай къ числу преданій апостольскихъ. Въ его 91 каноническомъ правилѣ, представляющемъ собою мѣсто изъ книги о Св. Духѣ къ епископу Амфилохію, говорится, что на обычай «знаменоваться образомъ креста» можно указать какъ на «первый и самый общій» обычай, который ведетъ свое начало отъ неписаннаго апостольскаго повелѣнія. Писаннаго же правила о томъ, какъ именно полагать на себѣ крестное знаменіе, апостолы намъ не оставили, такъ что объ этомъ мы можемъ судить только по свидѣтельствамъ и памятникамъ болѣе позднимъ. Свидѣтельства же эти и памятники показываютъ, что обычай имѣеть свою исторію не только по отношенію къ *сложенію перстовъ*, но и къ *части тѣла*, на которой изображался крестъ, и, наконецъ, къ *способу* изображенія креста.

Въ настоящее время мы изображаемъ крестъ на верхней части своего тѣла—такимъ образомъ, что онъ ложится своими концами на челѣ, нижней груди или верхнемъ животѣ и на плечахъ: при этомъ самый способъ изображенія креста состоитъ въ томъ, что перстосложенной рукою мы прикасаемся къ четыремъ названнымъ частямъ тѣла, обозначая, такимъ образомъ, только конечныя точки креста, а его линіи—продольную и поперечную—проводимъ рукою въ воздухѣ. Въ древнее время то и другое было не такъ, какъ это теперь: крестъ изображаемъ былъ на одномъ только *челѣ*, причемъ онъ въ буквальномъ смыслѣ былъ *начертываемъ* на тѣлѣ, т. е. рукою проводились на челѣ линіи креста, причемъ иногда продольная линія проводилась съ чела на носъ и далѣе, а поперечная—не по срединѣ чела, а по низу его, по глазамъ, или ниже глазъ, такъ что крестъ былъ начертываемъ уже «на лицѣ». Когда вмѣсто начертанія малаго креста на челѣ вошло въ обычай полагать нашъ большой крестъ,—сказать трудно, но отъ конца XI—начала XII вѣка имѣемъ уже ясное свидѣтельство объ употребленіи большого креста.

Обращаясь къ исторіи перстосложенія, мы видимъ, прежде

всего, что отцы церкви, говоря о крестномъ знаменіи, не упоминають, какъ слѣдуетъ слагать персты по *апостольскому* преданію. Больше того: нѣкоторые изъ древнихъ отцовъ и учителей церкви указываютъ даже и то, какое перстосложение употреблялось въ ихъ время, но о томъ, что такъ именно подобаетъ креститься по *апостольскому* преданію, они опять не говорятъ. И такъ какъ въ древнее время, сколько извѣстно по сохранившимся свидѣтельствамъ, крестился не однимъ перстосложениемъ; то справедливо заключаютъ, что «апостолы, вѣрно, не заповѣдали христіанамъ одного опредѣленнаго перстосложенія для крестнаго знаменія: иначе это перстосложеніе сохранялось бы неизмѣнно въ первенствующей церкви». Это заключеніе слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что всѣ извѣстныя перстосложенія, когда либо существовавшія въ церкви, были преданы апостолами, которые и сами ихъ употребляли; а—въ томъ, что апостолы указали лишь на способы изображенія на себѣ креста перстами руки, а выборъ послѣднихъ, естественно, предоставили самимъ вѣрующимъ, чтобы этотъ выборъ отвѣчалъ извѣстной мысли вѣры, примѣнительно къ обстоятельствамъ времени.

Въ продолженіи первыхъ семи вѣковъ христіане начертывали на себѣ крестъ однимъ перстомъ, если не исключительно, то преимущественно. Собственно изъ приведенныхъ въ настоящее время въ извѣстность свидѣтельствъ, которыя прямо говорятъ о «перстосложеніи», всѣ свидѣтельства говорятъ въ единственномъ числѣ—о *персти*, и лишь одно во множественномъ—о *перстахъ*. Свидѣтельства о начертаніи креста перстомъ, т. е., однимъ перстомъ, начинаются съ IV-го вѣка и принадлежать св. Іоанну Златоусту (IV в.), Епифанію Кипрскому (IV в.), блаженному Іерониму (IV в.), Теодориту Киррскому (V в.), Созомену (V в.), Григорію Двоеслову (VI в.), Іоанну Мосху (VII в.) и Андрею Критскому († 712). Вотъ, напр., какъ говоритъ св. Златоустъ въ 54 бесѣдѣ на евангеліе отъ Матѳея: «когда знаменуешься крестомъ, то представляй всю знаменательность креста... не просто *перстомъ* должно изображать его, но должны сему предшествовать сердечное расположеніе и полная вѣра». Созомень, историкъ, такъ говоритъ о св. епископѣ Донатѣ: «когда великій драконъ хотѣлъ напасть на св. Доната, то онъ *перстомъ* изобразилъ предъ нимъ въ воздухѣ знаменіе креста и плюнулъ, слюна попала звѣрю въ ротъ, и онъ издохъ». Позднѣйшее, извѣстное

въ настоящее время, свидѣтельство о единоперстіи принадлежить Андрею Критскому, который въ похвальномъ словѣ преп. Патапію говоритъ, что Патапій исцѣлилъ бѣсноватаго тѣмъ, что *перстомъ* начерталъ надъ нимъ въ воздухѣ крестъ. Какимъ же именно перстомъ былъ начертываемъ тогда крестъ? Прямого указанія на это нѣтъ въ намятникахъ древности; но возможны три вѣроятности: или большой палець, или указательный, или же, наконецъ, большой и указательный вмѣстѣ, т. е. большой былъ полагаемъ на указательный, образуя форму креста.

Объ изображеніи креста перстами, т. е. нѣсколькими перстами, говоритъ св. Кирилль Іерусалимскій († 385 или 386): «да не стыдимся исповѣдывать Распятаго, съ дерзновеніемъ да изображаемъ *перстами* знаменіе креста, на *челѣ* и на *всемъ*». Сколько же и какіе персты разумѣть св. отецъ? Это остается неизвѣстнымъ. Въ «Бесѣдахъ къ глаголемому старобрядцу» митр. Филарета сказано: «Кирилль Іерусалимскій говоритъ о знаменіи креста *рукою*». Можно, однако, сомнѣваться, что это есть толкованіе Филарета на подлинный текстъ 13-го «Огласительнаго поученія» св. Кирилла. Изъ особенности цитата, указаннаго въ книгѣ Филарета (§ 36), повидимому явствуетъ, что авторъ «Бесѣдъ» воспользовался твореніями св. отца въ *русскомъ* переводѣ 1822 года, гдѣ дѣйствительно слова Кирилла переданы такъ: «да изображаемъ *рукою* знаменіе креста». Но въ подлинномъ текстѣ «Огласительныхъ поученій» читается: *δακτύλοις*, т. е. «перстами», а не «рукою». Что слово «*δακτύλοις*» нельзя переводить словомъ «рукою», т. е. что нельзя разумѣть въ рѣчи св. Кирилла указаніе на всѣ *пять* перстовъ,—въ доказательство этого преосв. Филаретъ рижскій указываетъ на то, что «всей рукой неудобно дѣлать крестъ на челѣ, или на очахъ». Самъ епископъ Филаретъ подъ «*δακτύλοις*» разумѣетъ *три* перста, объясняя происхожденіе троеперстія борьбою съ арианствомъ. Митрополитъ Макарій также склонялся къ признанію у св. Кирилла *трихъ* перстовъ: по его выраженію, св. отецъ училъ совершать крестное знаменіе «вѣроятнѣе всего» тремя перстами; основаніе для этого Макарій видѣлъ въ томъ, что крестное знаменіе «совершалось тогда, по ясному современному свидѣтельству св. Ефрема Сирина, во имя Св. Троицы». Къ тому же объясненію примыкалъ и преосв. Павелъ, архіепископъ кишиневскій, впоследствии казанскій, причемъ указывалъ и на то, что

если бы подъ «*δακτύλους*» разумѣлись *два* перста, то было бы употреблено двойственное число—*δακτύλων*, а не множественное. Проф. Е. Е. Голубинскій, напротивъ, считаетъ такое объясненіе, т. е. указаніе въ словахъ св. Кирилла на три перста «весьма мало вѣроятнымъ», и думаетъ, что у Кирилла разумѣется *пятиперстіе*. По его мнѣнію, «опредѣленное перстосложеніе, съ усвоеннымъ ему символическимъ значеніемъ, для второй и третьей четверти IV-го вѣка, когда жилъ св. Кириллъ Іерусалимскій, слишкомъ рановременно»: значеніе параллельной ссылки митроп. Макарія на свидѣтельство св. Ефрема Сирина проф. Голубинскій ослабляетъ указаніемъ на то, что, при начертаніи креста, исповѣданіе Троицы выражалось чрезъ *утроеніе* самаго крестнаго знаменія; затѣмъ, если бы троенерстіе явилось еще при св. Кириллѣ Іерусалимскомъ, то не было бы причины ему изсякнуть послѣ него, тогда какъ всѣ позднѣйшія извѣстныя свидѣтельства говорятъ о единоперстіи. Но на это можно замѣтить, что отъ вѣковъ, слѣдовавшихъ за IV-мъ вѣкомъ, мы не имѣемъ, т. е. доселѣ не открыто ни одного свидѣтельства ни о существованіи пятиперстія или всеперстія, которое Голубинскій видитъ у св. Кирилла; а между тѣмъ, если послѣднее существовало при Кириллѣ, то исчезло послѣ него, конечно, не сразу; возможно, значитъ, допустить, что или не осталось письменныхъ свидѣтельствъ о троенерстіи, хотя оно и существовало въ вѣка, слѣдовавшие за IV-мъ вѣкомъ, или же эти свидѣтельства еще не открыты. И во-вторыхъ, изъ свидѣтельства Іоанна Мосха, дѣйствительно, видно, что исповѣданіе Троицы выражалось чрезъ утроеніе самаго крестнаго знаменія: но это свидѣтельство относится уже къ VII вѣку и потому не можетъ быть прямо и безусловно относимо къ IV-му вѣку, когда жилъ св. Кириллъ Іерусалимскій. Вообще попытка истолкованія свидѣтельства св. Кирилла въ смыслѣ всеперстія не можетъ быть названа болѣе удачною, чѣмъ попытка истолкованія его въ смыслѣ троенерстія. Гораздо остроумнѣе догадка о. Зубарева, что въ рассматриваемомъ свидѣтельствѣ нужно видѣть *единоперстіе*. Съ одной стороны онъ выходитъ изъ положенія, что у св. Ефрема Сирина Троица несозданная исповѣдуется въ самомъ крестномъ знаменіи и силѣ креста, а не въ сложении перстовъ; съ другой указываетъ на неудобство начертывать крестъ на челѣ, на глазу, на ухѣ тремя перстами, какъ и пятью, а также и на то, что единоперстіе существовало въ

іерусалимской церкви и въ VII вѣкѣ, какъ видно изъ упомянутаго свидѣтельства Іоанна Мосха. «Слова св. Кирилла, говоритъ авторъ, были обращены не къ одному лицу, какъ напр. слова Златоуста, а къ многимъ, и потому выражены не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ: «не стыдимся исповѣдывать» и прочее, т. е. мы, многіе, не стыдимся—перстами, а каждый изъ насъ—перстомъ налагать печать креста на челѣ и на прочихъ частяхъ тѣла» ¹⁾).

Дальнѣйшее по времени свидѣтельство, нынѣ извѣстное, относится къ концу IX вѣка и принадлежитъ несторіанскому писателю *Иліи Гевери*, съ 893 года митрополиту дамасскому, а раиѣ епископу іерусалимской несторіанской общины. Читается это свидѣтельство въ трактатѣ Иліи Гевери «*De concordia fidei*» и говоритъ о крестномъ знаменіи у несторіанъ, яковитовъ и мелхитовъ. Яковиты—это монофизиты, по имени ученаго защитника этой ереси Іакова; а мелхиты—отъ слова: мелехъ—царь,—это православные: на языкѣ восточныхъ сирійскихъ несторіанскихъ писателей мелхитами назывались всѣ народы, послѣдовавшіе не только Ефесскому, но и Халкидонскому вселенскимъ соборамъ, утвержденнымъ *царемъ*. Такъ какъ трактатъ «*De concordia fidei*» написанъ былъ еще въ то время, когда Ілія жилъ въ Іерусалимѣ, и написанъ съ цѣлью доказать согласіе въ вѣрѣ трехъ общинъ *сирійскаго* христіанскаго населенія, то не подлежитъ сомнѣнію, что и подъ мелхитами нужно разумѣть у Иліи только сирійскихъ, или еще частіе—*іерусалимскихъ* православныхъ. Какъ же, т. е. какимъ перстосложеніемъ, по указанію Гевери, всѣ эти общины крестились въ концѣ IX-го вѣка? «Яковиты,—говоритъ Ілія,—знаменуютъ себя крестомъ *единымъ перстомъ*, переходя отъ лѣвой руки къ правой, чѣмъ исповѣдуютъ, что они вѣрують въ *единого* Христа... Несторіане и мелхиты... *двумя перстами*... веденіемъ отъ правой стороны къ лѣвой... исповѣдуютъ, что на крестѣ были божество и человѣчество *вмѣстѣ соединены*». Сомнѣваться въ томъ, зналъ ли несторіанскій епископъ, а потомъ митрополитъ, Ілія, какъ несторіане крестятся, зналъ ли также, что при этомъ они исповѣдають,—сомнѣваться въ этомъ невозможно. Не возбуждаетъ сомнѣнія и свидѣтельство о яковитахъ: единоперстіе вполнѣ могло быть обращено ими въ символъ ихъ монофизитской вѣры во Христа, и что означаетъ

¹⁾ Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости, 1901, № 9.

это, указываемое Гевери, «исповѣданіе *единого* Христа»,— объясняетъ точнѣе Димитрій, митрополитъ кизическій, писавшій къ императору Константину Порфирородному (911—919 гг.) о яковитахъ: «они изобрѣли знаменованіе лицо свое однимъ перстомъ, исповѣдая симъ *одно естество* во Христѣ». Наконецъ, нельзя предположить, чтобы Илья не зналъ, какъ крестятся мелхиты, или говорилъ о нихъ неправду: онъ могъ еще не знать *смысла* православнаго перстосложенія, но легко могъ наблюдать *форму* послѣдняго; и съ другой стороны, цѣль трактата требовала отъ него указывать лишь на фактъ и говорить только то, что существовало на самомъ дѣлѣ. Вся неточность свидѣтельства Илии заключается только въ томъ, что православные употребляли двуперстіе будто бы съ тѣмъ же точно *знаменованіемъ*, съ какимъ употребляли его несторіане; но существу дѣла, это—совершенно недопустимая вещь, и если Илья, тѣмъ не менѣе, допускаетъ ее, то это объясняется его примирительною цѣлью, въ силу которой онъ свободно сглаживалъ и болѣе важныя разности, а тѣмъ болѣе воздержался выставлять ихъ въ вопросѣ о перстосложеніи, каковой онъ считалъ не важнымъ.

Что двуперстіе продолжало существовать у православныхъ жителей Сиріи и позднее IX вѣка, это видно изъ свидѣтельства Петра Дамаскина, т. е. изъ Дамаска. Петръ Дамаскинъ жилъ въ XII вѣкѣ. Слова его будутъ приведены сейчасъ ниже.

Итакъ, мы видимъ, что въ Сиріи и Палестинѣ, въ концѣ IX-го вѣка, употребляются разныя перстосложенія: единоперстіе, которымъ, по болѣе раннимъ свидѣтельствамъ, крестились православные, составляетъ отличительную принадлежность монофизитовъ, православные же и несторіане крестятся двумя перстами. Чѣмъ объясняется эта перемѣна?

Причину ея нужно искать въ обстоятельствахъ болѣе ранняго времени. Хотя Гевери говоритъ о мелхитахъ, яковитахъ и несторіанахъ только *своего времени*, по это, конечно, не значить, что при немъ-то и произошла эта перемѣна. Еще въ V-мъ вѣкѣ возникла несторіанская ересь, по имени царградскаго архіепископа Несторія, признававшаго *раздѣльными* два естества во Христѣ; ересью скоро заразились почти всѣ антиохійскіе и сирійскіе епископы; при покровительствѣ персидскаго правительства она продолжала усиливаться даже и послѣ того, какъ была осуждена на третьемъ вселенскомъ соборѣ въ Ефесѣ (431 г.). Въ цѣляхъ болѣе успѣшной проща-

ганды и для отличія отъ христіанскихъ общинъ, несогласныхъ съ ними въ ученіи, несторіане, имѣть сомнѣнія, избрали себѣ соответствующій образъ и крестнаго знаменія, каковымъ, какъ оказывается, для нихъ послужило двуперстіе, хотя, быть можетъ, сдѣлали это и не сразу послѣ своего отдѣленія отъ церкви. Между тѣмъ въ 451 году, значить спустя лишь 20-ть лѣтъ послѣ третьяго вселенскаго собора, состоялся 4-й вселенскій соборъ, осудившій ересь Евтихія, или монофизитскую, *сливавшую* два естества во Христѣ. Въ качествѣ символа своей ереси монофизиты усвоили подходящее перстосложеніе, т. е., употреблявшееся дотолѣ православными единоперстіе, соединяя съ нимъ мысль о *единомъ* ествѣ Искупителя. Что же послѣ этого оставалось дѣлать православнымъ? Они могли употреблять троеперстіе, которое составляетъ вообще самую естественную для христіанина форму перстосложенія; но троеперстіе не могло быть прямымъ противовѣсомъ ни единоперстію, ни двуперстію, съ которыми отдѣлившіеся отъ церкви стали соединять еретическія мысли. Чтобы дать такой противовѣсъ, чтобы имѣть отличіе отъ еретиковъ именно по противоположности, по прямому отрицанію, православные должны были употреблять или единоперстіе, или двуперстіе, смотря по тому, кто были ихъ ближайшіе сосѣди: несторіане, или монофизиты. Въ VII-мъ вѣкѣ православные іерусалимской церкви, какъ это видно изъ свидѣтельства Іоанна Мосха, крестились единоперстію во имя св. Троицы. Почему во имя Св. Троицы? Потому, вѣроятно, что мѣстные монофизиты уже успѣли придать единоперстію нужный имъ смыслъ. Затѣмъ, отъ IX вѣка мы имѣемъ свидѣтельство о томъ, что православные іерусалимской церкви употребляли уже двуперстіе. Значить, къ IX вѣку сосѣдство монофизитовъ заставило православныхъ іерусалимскихъ христіанъ противопоставить монофизитскому ученію не только *смыслъ* перстосложенія, но и *форму* послѣдняго. Наконецъ, по упомянутому свидѣтельству Петра Дамаскина XII вѣка, двуперстіе православныхъ означало: «*два перста и одна рука*» являютъ распятаго Господа нашего Іисуса Христа, во двою ествѣ и единомъ составѣ познаваемого». Следовательно, въ отличіе отъ несторіанъ, сосѣдство которыхъ давало знать о себѣ не менѣе, чѣмъ и сосѣдство монофизитовъ, православные сирійскіе христіане стали—и вѣроятно не съ XII только вѣка—соединять съ своимъ дву-

перстіемъ ту мысль, что два естества во Христѣ соединены во *единой* ипостаси.

Но какое же перстосложеніе для крестваго знаменія существовало въ церкви Константинопольской? Данныя для рѣшенія этого вопроса не отличаются полною опредѣленностью.

Первый «фактъ» относятъ къ первой половинѣ XI вѣка. Ассеманъ, словами яковитскаго писателя второй половины XIII вѣка Григорія Абулфараджа или Bar-hebraeus'a рассказываетъ, что въ 1029 году яковитскій патріархъ Іоаннъ VIII Абдонъ былъ вызванъ византійскимъ императоромъ въ Константинополь. Здѣсь собрался соборъ съ цѣлью обратить яковитянъ въ православіе; но они оставались непреклонными. Тогда снова устроили собраніе, и когда послѣ долгаго спора не могли склонить яковитянъ къ своему мнѣнію, «потребовали отъ нихъ единственно того, чтобы не примѣшивали елея къ евхаристіи и крестились бы не однимъ перстомъ, а *двумя*». Свидѣтельство это впервые указано проф. Н. Катперевымъ. Самъ Катперевъ сдѣлалъ изъ него слѣдующій выводъ: «въ 1029 году константинопольскій патріархъ, вмѣстѣ съ другими греческими епископами, желая обратить въ православіе яковитскаго патріарха Іоанна VIII-го и его спутниковъ, торжественно потребовать отъ нихъ на соборѣ, чтобы они крестились не однимъ перстомъ, но двумя. Ясное дѣло, что въ началѣ XI вѣка, какъ самъ константинопольскій патріархъ, такъ и другіе греческіе іерархи въ крестномъ знаменіи употребляли двоеперстіе, которое они и считали истинно-православнымъ перстосложеніемъ, вопреки монофизитскому одноперстію». Противъ такого пониманія, точнѣе: противъ усвоенія такового значенія свидѣтельству Абулфараджа возможны, однако, серьезныя возраженія ¹⁾. Такъ, событіе о которомъ рассказываетъ яковитскій писатель Bar-hebraeus, имѣло мѣсто въ 1029 году, а самъ Bar-hebraeus жилъ въ концѣ XIII вѣка: откуда же онъ заимствовалъ свѣдѣнія о Константинопольскомъ соборѣ? вѣлась-ли въ самомъ дѣлѣ на этомъ соборѣ «рѣчь» о перстосложеніи? если вѣлась, то дѣйствительно ли греки настаивали на двуперстіи? не приписываетъ ли Bar-hebraeus «собору» такого требованія, которое ему приходилось слышать отъ своихъ сосѣдей, грековъ Арменіи и Сиріи? Затѣмъ, обвини-

¹⁾ Въ свое время сдѣлапы † преосвященнымъ Никаноромъ, проф. Н. И. Субботинымъ и † И. Т. Никифоровскимъ.

телемъ патріарха Іоанна VIII Абдоиа предъ византійскимъ императоромъ въ томъ, что онъ, Іоаннъ, совращаетъ грековъ въ свою ересь, явился Никифоръ, православный митрополитъ Мелитины, что въ Малой Арменіи,—онъ же былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и на соборѣ: ему слѣдовательно, принадлежала и редакція того требованія, которое поставилъ греческій «соборъ» яковитянамъ: а если это такъ, то свидѣтельствуєтъ ли это требованіе о взглядахъ церкви константинопольской? Конечно. нѣтъ: ибо хотя требованіе двуперстія было высказано въ присутствіи константинопольскаго патріарха, но послѣдній могъ не протестовать противъ него кросто потому, что не видѣлъ въ этомъ обычай ничего предосудительнаго. Наконецъ, пусть греки вообще требовали отъ яковитянъ, чтобы послѣдніе совершали крестное знаменіе двумя перстами; но значить ли это, что греки и сами крестились двуперстно? Почему нельзя думать и утверждать, что константинопольскіе греки рекомендовали яковитянамъ такое перстосложеніе, которое употребляли не сами константинопольцы, а православные сосѣди яковитянъ, жители Арменіи? Почему нельзя предполагать, что константинопольская церковь обращала вниманіе армянъ на то православное перстосложеніе, которое было распространено въ Арменіи и которое, дѣйствительно, являлось видимымъ и понятнымъ для всѣхъ знакомъ принадлежности извѣстнаго лица къ православной церкви, а не къ общинѣ яковитской.

Проф. Е. Е. Голубинскій указалъ другое свидѣтельство,—второй половины XII вѣка,—которое, по его мнѣнію, уже «не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ Константинополѣ было употребляемо двуперстіе, или, иначе сказать, что двуперстіе было повсюднымъ и общимъ у грековъ». Фактъ, какъ его передаетъ проф. Голубинскій, состоитъ въ слѣдующемъ. «Въ 1170 году императоръ Мануиль Комнинъ предпринялъ церковныя сношенія съ армянами въ надеждѣ примирить ихъ съ православіемъ. Къ армянамъ былъ посланъ императоромъ для богословскихъ собесѣдованій съ ними одинъ изъ ученыхъ константинопольскихъ, по имени Θεορίανъ. Этотъ Θεορίанъ описалъ два свои собесѣдованія съ армянами, и въ описаніи одного изъ собесѣдованій мы и находимъ у него свидѣтельство, что въ его время въ Константинополѣ было употребляемо двоеперстіе. Въ описаніи 2-го собесѣдованія онъ говоритъ, что подъ конецъ рѣчей всталъ одинъ сирскій священникъ и сказалъ ему:

«зачѣмъ вы изображаете крестъ *двумя* перстами? не раздѣлены ли между собою персты, какъ особые одинъ отъ другаго, слѣдовательно — по вашему — и два естества Христовы раздѣлены между собой»? Далѣе Оеоріанъ передаетъ свой отвѣтъ священнику и въ отвѣтъ подтверждаетъ, что греки константинопольскіе, которыхъ онъ былъ представителемъ, дѣйствительно крестились двумя перстами, только, какъ бы шуткой желая отдѣлаться отъ вопроса, о чемъ самъ замѣчаетъ, говорить священнику, что у грековъ два перста означаютъ не два естества во Христѣ, а совсѣмъ другое». Таковъ «фактъ», и онъ, конечно, не подлежалъ бы ни какому оспариванію, если бы Оеоріанъ, дѣйствительно, «подтверждая» то, что было выражено въ вопросѣ сирскаго священника, сказалъ: «да, мы, константинопольскіе греки, дѣйствительно, крестимся только двумя перстами», и при этомъ далъ бы догматическое объясненіе двуперстія такое, какое соединялось православными съ этимъ обрядомъ на самомъ дѣлѣ. Но такъ ли это было? Вотъ буквальное описаніе отвѣта Оеоріанова на означенный вопросъ: «Оеоріанъ, какъ бы прибѣгая къ шуткѣ, сказалъ: не знаменуя два естества Христовы такъ дѣлаемъ мы, но бывъ избавлены отъ мучительства діавола, мы научены творить противъ него ополченіе и брань, ибо руками содѣлываемъ мы правду, милостыню и прочія добродѣтели—и это есть ополченіе, а перстами, полагая печать Христову на челѣ, мы составляемъ брань». Прежде всего, описанный у Оеоріана «фактъ» возбуждаетъ сомнѣніе *самъ по себѣ*, со стороны своего внутренняго содержанія. Описаніе даетъ поводъ поставить два вопроса: о комъ говорилъ сирскій священникъ? и какъ могъ рѣшиться на «шутку» Оеоріанъ, когда вопросъ имѣлъ серьезный характеръ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь собесѣдованія происходили не въ Константинополѣ и не армяне сюда пріѣзжали, а Оеоріанъ ѣздилъ въ Арменію и собесѣдованія происходили въ Киликіи, въ Ромъ-Клаѣ, и изъ числа константинопольцевъ на нихъ присутствовалъ только одинъ Оеоріанъ. Въ виду этого естественное думать, что сирскій священникъ говорилъ о перстосложеніи не константинопольцевъ только, но православныхъ вообще, на дѣлѣ же знали только православныхъ Сирій, какъ своихъ сосѣдей, а какъ крестятся въ Константинополѣ, объ этомъ онъ, весьма возможно, совсѣмъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній. Весьма возможно, что именно вслѣдствіе этого обстоятельства, Оеоріанъ, замѣтивъ, что совопросникъ плохо и не всесторонне знаетъ то, о чемъ спрашиваетъ,

прибѣгъ къ шуткѣ, не смотря на то, что въ серьезномъ дѣлѣ отдѣлываться шуткой совсѣмъ непозволительно. Именно, онъ не сталъ указывать, что перстосложеніе у православныхъ неодинаковое, чтобы чрезъ то не вызвать со стороны противника вопроса о причинѣ этой неодинаковости; онъ повелѣлъ краткую рѣчь общаго характера — о томъ, что въ крестномъ знаменіи должны имѣть мѣсто персты, а не одинъ перстъ, рѣчь не серьезную, потому что она усвояла перстосложенію не обычное значеніе, но такую, которую можно было, хотя и шуточно, приложить и къ двуперстію, и къ троеперстію, и которая ловко приводила собесѣдованія къ «концу рѣчей», котораго, какъ видно изъ разсказа Феоріана, всѣ ожидали и желали. Во-вторыхъ, описанный у Феоріана «фактъ» возбуждаетъ сомнѣніе по причинѣ свѣдующаго обстоятельства: отъ послѣдней четверти XIII вѣка мы имѣемъ свидѣтельство, изъ котораго видно, что тогда въ Константинополѣ существовало не двуперстіе, а троеперстіе. Свидѣтельство это—«Преніе Панагіота съ Азимитомъ», писанное послѣ 1274 года и до 1282-го. Проф. Голубинскій самъ признаетъ на основаніи этого памятника, что въ послѣдней четверти XIII вѣка троеперстіе не только употреблялось въ Константинополѣ, но и стало тамъ «господствующимъ». Какъ же могла случиться такая коренная перемена, если еще въ 1170 году двуперстіе было въ Константинополѣ «общимъ» обычаемъ, а троеперстіе совсѣмъ тамъ не имѣло мѣста?!

Итакъ, имѣемъ безспорное доказательство, что въ продолженіе первыхъ вѣковъ христіанства, начиная съ IV и до VII вѣка включительно, православныя, не исключая церкви константинопольской, знаменовались *однимъ* перстомъ; свидѣтельство объ изображеніи крестнаго знаменія *перстами*, при полной своей единичности, допускаетъ и толкованія не одинаковыя. Затѣмъ, позднѣе единоперстія вошло въ употребленіе двуперстіе,—надобно думать — ранѣе IX вѣка; въ IX вѣкѣ двуперстіе несомнѣнно употреблялось несторіанами и православными въ Сиріи и Палестинѣ. Наконецъ еще позднѣе встрѣчаемъ свидѣтельства о троеперстіи; въ Константинополѣ къ концу XIII вѣка троеперстіе сдѣлалось уже господствующимъ и даже исключительнымъ обычаемъ. А послѣ этого уже легко судить, какъ несправедливы увѣренія раскольниковъ, что содержимое ими двуперстіе *безпрерывно* было употребляемо въ церкви греко-восточной не только до послѣдней четверти X в., когда перешло съ христіанствомъ и на Русь, но и позднѣе. Но остановимся

подробнѣе на разсмотрѣніи тѣхъ доказательствъ, которыя приводятъ раскольники въ подтвержденіе своего мнѣнія.

1. Раннѣйшее доказательство раскольники относятъ къ IV-му вѣку и называютъ его «свидѣтельствомъ отъ Мелетія». Вотъ что читаемъ объ этомъ въ «Поморскихъ отвѣтахъ»: «Древній восточный учитель Мелетій, патриархъ Антиохійскій, бывший во времена 2-го вселенскаго собора... два перста совокупивъ, а три пригнувъ, благослови люди». По мнѣнію Денисова, «два перста»—это указательный и великосредній, а «три»—это большой, малый и что близъ малаго. Первоисточникомъ для правильного пониманія поступка св. Мелетія служатъ, какъ это впервые было указано еще въ XVIII вѣкѣ — преосв. Ософилактомъ въ его «Обличеніи неправды раскольнической»,—сказанія церковныхъ историковъ V вѣка: Θεодорита и Созомена. По этимъ сказаніямъ, епископъ севастійскій Мелетій, впоследствии патриархъ антиохійскій, на одномъ помѣстномъ соборѣ противъ аріанъ, бывшемъ въ Антиохіи, доказывая единосущеніе Сына Отцу, прибѣгъ къ символу, — по Созомену: «показалъ сначала три пальца, а потомъ опять сложили ихъ и показали одинъ», а по Θεодориту: «показалъ три перста, и потомъ два изъ нихъ сложили и оставили одинъ», — и произнесъ: «разумѣемъ три, а бесѣдуемъ какъ бы о одномъ». Какъ видимъ, при нѣкоторой разности въ передачѣ частныхъ, у обоихъ историковъ остается одна и та же мысль. Мелетію нужно было доказать троичность лицъ въ Богѣ при единствѣ существа; содержаніе разсказа оказывается вполне согласнымъ съ тѣми приѣмами, которые употребилъ севастійскій епископъ. Эти приѣмы можно понимать только въ томъ смыслѣ, что Мелетій показалъ три первые перста, причемъ ему совсѣмъ незачѣмъ было выдвигать два перста и показывать ихъ, такъ какъ, присоединивъ большой къ двумъ послѣднимъ, а указательный и великосредній оставивъ напоказъ, обличитель аріанъ только сблизитъ бы съ толку своихъ слушателей. Изъ разсказа историковъ ясно также, что Мелетій и не для того складывалъ персты, чтобы научить, какъ благословлять, или полагать на себя крестное знаменіе: ни того, ни другого совсѣмъ и не было при этомъ случаѣ. Можно только принять къ свѣдѣнію, что православное троеперстіе, какъ *символъ* Троицы, вполне соответствуетъ символу Мелетія, и что раскольники такового не соблюдаютъ.

2. Затѣмъ раскольники ссылаются на заповѣдь блаж. Θεодорита, епископа кирскаго († 457 г.). Въ «Поморскихъ отвѣ-

тахъ» вотъ какъ приводится это свидѣтельство: «Древній греческій учитель, блаженный Θεодоритъ, поучаетъ и протолкуетъ: сице благословити рукою и крестится, три персты вкунѣ ямѣти, во исповѣданіе св. единосущныя Троицы, а двѣма перстома образовати оба естества во Христѣ, божество и чело-вѣчество». Но и это указаніе несправедливо. Въ «Исторіи боголюбцевъ» Θεодоритъ, дѣйствительно, даетъ свидѣтельство о перстосложеніи своего времени, и даже два, но ни одно изъ нихъ не говоритъ о двуперстіи. О преподобномъ Маркіанѣ, происходившемъ изъ того же города Кира, Θεодоритъ кирскій говоритъ: «святой *перстомъ* вообразилъ крестное знаменіе, а устами дунуль на него (т. е. змія) и какъ трость отъ огня змій тотчасъ исчезъ», — и о преп. Юліанѣ: «призвавъ Иисуса и *перстомъ* показуя побѣдный знакъ, онъ прогналъ весь страхъ». Какъ видимъ, Θεодоритъ свидѣтельствуешь о единоперстіи, а о двуперстіи у него нѣтъ ни упоминанія, ни тѣмъ болѣе заповѣди.

3. Далѣе раскольники ссылаются на свидѣтельство Петра Дамаскина, изреченіе котораго уже было приведено нами выше. Въ «Поморскихъ отвѣтахъ» Петръ названъ «древле-греческимъ святымъ», а въ брошюрѣ «Соборный свитокъ 1667 года», изданной въ Коломыѣ въ 1874 году, сказано даже такъ: «преподобный и богоносный отецъ и священномученикъ Петръ, епископъ Дамасска града, бывшій въ VIII столѣтіи по Р. Х. (775 г.) въ книгѣ именуемой «Добротолюбіе». Нельзя обвинять раскольниковъ въ томъ, что они относятъ Петра Дамаскина къ VIII вѣку, а не къ XII-му, какъ бы слѣдовало: къ VIII вѣку относили Петра Дамаскина всѣ издатели «Φιλοκαλία—Добротолюбіе», начиная съ заграничнаго на греческомъ языкѣ, вышедшаго въ Венеціи еще въ 1782 году, и кончая всѣми русскими издачіями съ 1793 по 1880 годъ включительно. Но на самомъ дѣлѣ тотъ Петръ Дамаскинъ, часть сочиненій котораго помещена въ «Добротолюбіи» и которому принадлежитъ изреченіе о двуперстіи, жилъ въ XII вѣкѣ; онъ былъ простой инокъ и его не слѣдуетъ смѣшивать съ Петромъ, митрополитомъ дамасскимъ, жившимъ во времена Іоанна Дамаскина. Безспорныя доказательства этого имѣются въ самыхъ твореніяхъ писателя Петра Дамаскина: такъ, онъ приводитъ стихиры Іосифа Писнописца, умершаго въ концѣ IX-го вѣка, и даже цитируетъ Симеона Метафраста, умершаго около 940 года. Кромѣ того, въ греческихъ рукописяхъ книги, въ которой на

ходится изреченіе о двуперстіи, прямо сказано, что «творецъ ея—Петръ, смиренный монахъ Дамаскинъ, написалъ же ее въ 1157 году». Что касается самаго смысла разсматриваемаго свидѣтельства, то, дѣйствительно, изреченіе Петра Дамаскина говорить о двуперстіи, т. е. о двуперстіи для положенія на себя крестнаго знаменія, какъ и утверждаютъ старообрядцы; но вопреки ихъ мнѣнію нужно признать, что форма этого двуперстія остается неизвѣстною. Нѣкоторые видятъ въ изреченіи Дамаскина доказательство древности троеперстія, понимая въ его двухъ перстахъ—близосредній и мизинецъ, которые у насъ пригибаются къ ладони и могутъ быть толкуемы въ знаменованіе двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ.—на томъ, главнымъ образомъ, основаніи, что слова Петра: «едина рука», могутъ быть приложимы будто бы только къ двумъ *принутымъ* къ ладони перстамъ. Такое толкованіе, конечно, не можетъ быть принято, потому что изреченіе имѣетъ въ виду не простертіе, или прижатіе пальцевъ къ рукѣ, а то, что они находятся на *одной рукѣ*, ихъ физическое положеніе. Точно также нельзя признать изреченіе Петра Дамаскина и въ качествѣ свидѣтельства «обоюднаго», не потому только, что въ немъ нельзя видѣть двухъ перстовъ православнаго троеперстія, но и потому, что нельзя видѣть только одного старообрядческаго двуперстія, какъ это будетъ показано сейчасъ ниже. Издатель Πηδάλιον, т. е. греческой Кормчей инокъ Никодимъ Святогорецъ въ примѣчаніи къ 91 правилу св. Василія Великаго говоритъ, что подъ двумя перстами у Петра Дамаскина нужно разумѣть пальцы указательный и средній; но историческаго доказательства на это Никодимъ не указываетъ, а потому его толкованіе можетъ быть принято только въ качествѣ предположенія, не исключающаго другаго, подобнаго же. Въ самомъ дѣлѣ, почему указательный и средній, т. е. второй и третій пальцы, а не первый и второй; что было бы въ естественномъ порядкѣ и потому болѣе понятно? Тѣмъ болѣе не могутъ ссылаться на Петра Дамаскина русскіе раскольники. Во-первыхъ, Дамаскинъ о двухъ перстахъ, во образъ двухъ естествъ, пишетъ, а о трехъ перстахъ, чтобы ихъ слагать извѣстнымъ образомъ и чтобы они имѣли какое либо догматическое значеніе,—ничего не пишетъ. Поэтому и перстосложеніе, упоминаемое Дамаскинымъ, имѣетъ существенное различіе отъ старообрядческаго. Затѣмъ, тогда какъ у старообрядцевъ соединеніе двухъ естествъ во единой ипостаси образуется

соединеніемъ двухъ перстовъ, у Дамаскина это таинство образуется единствомъ руки: «два перста и единая рука»; очевидно, здѣсь персты могли быть и не сложены, и даже болѣе: можно разумѣть два перста и не рядомъ стоящіе. Вообще, остается неизвѣстнымъ, какая форма двуперстія разумѣется у Петра Дамаскина.

4. Ссылаются раскольники еще на такъ называемое «Преніе Панагіота съ Азиматомъ», утверждая, что Папагіотъ училъ двуперстію и обличалъ Азимита за троеперстіе, хотя и не такое. какое употребляютъ «пиконіане», а нѣсколько иное—латинское. Въ «Поморскихъ отвѣтахъ» читаемъ: «Во дни греческаго царя Михаила Палеолога, иже бѣ въ лѣто 1256, греческій учитель, святой Никифоръ Панагіотъ, обличаше латыны, почто истиннаго креста не воображаютъ двѣма персты, на главѣ, и на сердцѣ, и на правомъ плечѣ, и на лѣвомъ». Вѣрное сужденіе объ этомъ памятникѣ древней письменности дано А. Поповымъ въ сочиненіи: «Историко-литературный обзоръ древле-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ». Съ взглядомъ этого автора на происхожденіе и значеніе «Пренія» согласенъ и критикъ его, канонистъ А. С. Павловъ, покойный профессоръ Московскаго университета. Въ «Преніи» повѣствуется, что когда при византійскомъ императорѣ Михаилѣ Палеологѣ, ревностномъ сторонникѣ уніи съ западною церковью, прибыли въ Константинополь послы римскаго папы, 12-ть кардиналовъ, то греческій философъ Константинъ Панагіотъ, ставъ предъ царемъ и соборомъ, имѣлъ съ ними преніе,—сначала происходили «многіе глаголы о божествѣ и о твари, о солнцѣ и о громѣ, отъ божественнаго писанія и отъ философіи и отъ витій», а потомъ Панагіотъ перешелъ къ изложенію 72-хъ латинскихъ ересей, причемъ во второй изъ этихъ ересей обличалъ Азимита и за неправильное перстосложеніе. Въ дѣйствительности такого пренія совсѣмъ не было, равно какъ и самое существованіе Константина, переименованнаго потомъ въ Никифора, Панагіота подлежитъ сомнѣнію: все это сочиненіе, писанное неизвѣстнымъ грекомъ XIII столѣтія, имѣетъ характеръ сатиры на поборника уніи Михаила Палеолога и на латинянъ,—сатиры, въ которой сочинитель,—«не богословъ, не ученый, а просто грамотный грекъ, не выходившій вполнѣ изъ пародной массы»,—высказалъ народныя воззрѣнія, понятія и чувства относительно латинянъ. Но обстоятельство это нисколько не умаляетъ зна-

ченія, принадлежащаго «Пренію», какъ свидѣтельству о перстосложеніи, какъ въ латинской церкви, такъ особенно въ греческой, а напротивъ, по отношенію къ послѣдней, усиливаетъ его—именно тѣмъ, что свидѣтельство это дается простолюдиномъ, который указываетъ на всѣмъ извѣстный и всѣми признанный обычай слагать персты для крестнаго знаменія. Какія же именно указанія дать на этотъ счетъ разсматриваемый памятникъ? Всѣ писатели, какъ полемисты съ расколомъ, такъ и изслѣдователи не причастные этой полемикѣ, единогласно признаютъ, что грекъ Панагіотъ самъ крестился тремя перстами, т. е. что въ то время, когда было написано «Преніе», греки вообще и въ частности константинопольскіе, употребляли то самое перстосложеніе, какое и донынѣ составляетъ особенность греко-россійской церкви, и что за несоблюденіе этого-то обычая и укорялъ онъ Азимита, т. е. всѣхъ вообще латинянъ. Но за какое именно отступленіе отъ православнаго троеперстія Панагіотъ укорялъ Азимита, за двуперстіе ли, или за что-либо другое,—относительно этого мнѣнія расходятся. Одни думаютъ, что Панагіотъ укорялъ латинянъ за употребленіе двуперстія, допуская такимъ образомъ, что латиняне, дѣйствительно, крестились въ XIII вѣкѣ, хотя и не всѣ, двуперстно; другіе, хотя и признаютъ, что въ «Преніи» латиняне укоряются за то, что «будто слагаютъ крестъ двумя перстами», но считаютъ эту укоризну несправедливою: ее, говорятъ, «можно понимать такъ, что авторъ, т. е. Панагіотъ, хочетъ навязать латинянамъ перстосложеніе, которое отчасти оставалось еще у самихъ грековъ и которое было считаемо уже за неправильное; наконецъ, третьи утверждаютъ, что Азимитъ, обличаемый грекомъ, т. е. всѣ латиняне крестились тремя перстами, но при этомъ персты не были соединяемы, а оставались простертыми. Послѣдняго взгляда, т. е. что Азимитъ употреблялъ троеперстіе, держался еще авторъ знаменитой «Пращицы», изданной въ 1721 году, и это пониманіе разсматриваемаго свидѣтельства—воинѣ правильное.

Выше было уже сказано, что греческій подлинникъ «Пренія», судя по содержанію, явился въ послѣдней трети XIII в. Славянскій же переводъ, по наличнымъ спискамъ, восходитъ къ XIV в., причемъ въ спискахъ послѣдующаго времени имѣетъ иную редакцію. Въ рукописи сербскаго письма 1384 г. интересующее насъ мѣсто читается такъ: «почто *три* своя персты десныя руки твоей *не полагашаши*», т. е. на чело, перси, правое

и лѣвое плечи... «крестъ твой зрѣть *воиъ*... но стоиши на колѣпѣхъ своихъ, преклони се и шепщете, и творите *дѣла си перстома крестъ на земли*». Въ русскихъ рукописяхъ XV и XVI столѣтій читается двояко: а) «почто не *слагаети* три персты... но твориши крестъ *со обоими персты*, и воображеніе креста твоего зрѣть *воиъ*... и твориши крестъ *на земли со обѣма перстома*»,—б) «чему не *яко мы крестимся*, проображающе истиннаго креста, *тремя персты*. Наконецъ, въ «Кирилловой книгѣ» 1644 года «Препіе» читается такъ: «почто не *собаеши* три персты... и не одѣваешися оружіемъ креста Господня, но твориши крестъ *обоими персты*, и *послѣди пальцемъ вишинею странною*, и воображеніе креста твоего зрѣть *воиъ*... и твориши крестъ *на земли со обѣима перстома*»¹⁾. Изъ разсмотрѣнія этихъ редакцій «Препія» неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что, не смотря на нѣкоторую разность въ изложеніи, всѣ онѣ могутъ быть изъяснены только въ одномъ смыслѣ. Именно: латиняне употребляли для крестнаго знаменія три первые перста, не сложенные, а простертыя, причемъ большой палецъ стоялъ отдѣльно. Имѣя такое перстосложеніе, латиняне не иначе могли полагать на себѣ крестное знаменіе, какъ двумя пальцами на чело и животъ, и однимъ—большимъ—на плечи, причемъ прикасались къ нимъ только «вишинею странною» пальца, т. е. ногтемъ. И Панагіотъ укоряетъ Азимита не за то, что тотъ *не тѣ* персты употребляетъ; и не за то, что употребляетъ *не столько* перстовъ, сколько нужно, а за то только, что Азимитъ *не «слагаетъ» ихъ*, или—не «сгибаетъ» вкупѣ, какъ это у православныхъ. Панагіотъ видитъ, что хотя латиняне употребляютъ тѣ самые персты, какіе подобаешь, но самое сложеніе, точнѣе положеніе перстовъ, употребляемое ими, въ то же время неправильно, и, вслѣдствіе того, способъ знаменованія не соотвѣтствуетъ намѣренію перстосложенія. И вотъ онъ обличительно спрашиваютъ Азимита: зачѣмъ тотъ «не сгибаетъ» трехъ перстовъ, а оставляетъ ихъ простертыми? зачѣмъ «не полагаетъ» всѣ три перста на чело, животъ и плечи? зачѣмъ кладетъ на чело и животъ только два перста, а на плечи—даже одинъ «вишинею странною»? Зачѣмъ Азимитъ дѣлаеть такъ: вѣдь вслѣдствіе того онъ не одѣвается оружіемъ креста Господня,—возлагаетъ на себя не всѣ персты, изъ которыхъ,

¹⁾ Тексты „Препія“ приведены въ названномъ „Обзорѣ“ А. Попова и пополнены въ „Братскомъ Словѣ“ за 1899 годъ.

по намѣренію, долженъ быть составляемъ его крестъ! вѣдь изображеніе креста его «зритъ воиъ», т. е. нѣкоторые персты, необходимые для изображенія ими крестнаго знаменія, остаются при совершеніи сего дѣйствія или обряда праздными, сначала—одинъ, потомъ—два. Таковъ, безъ сомнѣнія, подлинный смыслъ словъ Панагіота, смыслъ, сообразный съ самымъ ходомъ рѣчи и съ существомъ латинскаго перстосложенія: Азмитъ былъ укоряемъ совѣмъ не за двуперстіе, двуперстіе онъ не употреблялъ даже и при начертаніи креста на землѣ, хотя и «творилъ крестъ на землѣ двѣма персты». А если Азмитъ употреблялъ для крестнаго знаменія три первые перста и былъ обличенъ Панагіотомъ только за то, что держалъ эти персты несложеными вмѣстѣ, то ясно, что самъ Панагіотъ слагалъ для крестнаго знаменія три первые перста. Знать, какъ крестился Азмитъ, важно именно потому особенно, что этимъ разрѣшается не только вопросъ о томъ, *тремя ли* перстами крестился Панагіотъ, но и о томъ, *какими* тремя перстами крестился онъ, т. е. согбенія какихъ трехъ перстовъ требовалъ онъ отъ Азмита. А этотъ вопросъ имѣетъ существенно важное значеніе въ виду того толкованія, какое даютъ «Пренію» раскольники: вѣдь и они не отрицаютъ, что Панагіотъ требовалъ согбенія трехъ перстовъ, но они думаютъ, что подъ тремя перстами нужно разумѣть большой и два послѣдніе перста, т. е. что Панагіотъ проповѣдывалъ будто бы ихъ, старообрядческое двуперстіе. Въ «Поморскихъ отвѣтахъ» читаемъ: «латины *не согбають* трехъ перстовъ, *пальца и двухъ послѣднихъ*, палець имуть особъ стояць, векрай длани: два же перста послѣднія ко длани приклонена, два же—указательный и великосредній—простерта, и, крестящися, на главу и чрево два перста полагають, на оба же рама пальцемъ внѣшнюю страную». Такимъ образомъ, раскольники не уклоняются отъ истины въ разумѣніи того, какое перстосложеніе было обличаемо въ Азмитѣ, но они стараются доказать, что Панагіотъ требовалъ пригбенія большаго перста будто бы къ двумъ послѣднимъ. Доказательство ихъ опирается на словахъ: «почто *не согбаешн* три перста»: «не рече,—говорять они,—почто *не крестнншнся* тремя персты». Но то самое, напротивъ, и доказываетъ намѣреніе Панагіота утвердить своего противника въ троеперстномъ сложеніи, что онъ не сказалъ «почто не крестнншнся», а сказалъ: «почто не согбаешн». Азмитъ и безъ этого наставленія со стороны Панагіота уже крестился тремя первыми перстами, т. е. возносилъ

эти персты ко всѣмъ четыремъ точкамъ креста, но онъ не прикасался къ этимъ точкамъ всѣми тремя перстами, и оттого не одѣвался крестнымъ оружіемъ. Отсюда-то, съ этого неправоуильнаго сложенія, и начинается свою рѣчь Панагіотъ, отсюда же онъ переходитъ потомъ къ рѣчи о неполномъ «одѣяніи крестомъ». Такой же выводъ, по существу дѣла, получится, если мы будемъ читать по древнѣйшей редакціи — «почто *не полагаеши* три персты». — такъ какъ въ старообрядческомъ двуперстіи требуется, чтобы были «полагаемы», т. е. прикасались къ челу, животу и плечамъ *два* перста, а не три. Наконецъ, не требуется комментарія, что и третья редакція: «не якоже мы *крестимся* тремя персты» — не идетъ въ пользу двуперстія, гдѣ «крестятся» именно *двумя*, а не тремя перстами. Вообще, Панагіотъ велъ бы свое обличеніе совсѣмъ иначе, когда бы защищалъ онъ двуперстное сложеніе.

Такимъ образомъ, изъ «Пренія» Панагіота съ Азимитомъ можно вывести только одно заключеніе, которое рѣшительно опровергаетъ мнѣніе раскольниковъ: въ послѣдней четверти XIII столѣтія троеперстіе, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно и донныѣ существуетъ въ греческой церкви, признавалось общимъ отличительнымъ обычаемъ православныхъ, — троеперстіе, а не двуперстіе.

5. Наконецъ, ссылаются раскольники на *слово о крестномъ знаменіи* Максима Грека; написано оно, правда, въ то время, когда Максимъ жилъ уже въ Москвѣ, но въ немъ, тѣмъ не менѣе, авторъ, говорятъ, засвидѣтельствовалъ, что и церковь греческая тогда, т. е. въ XVI столѣтіи содержала двуперстіе.

Разсматривая полемическую литературу противъ раскола, видимъ, что въ ней издавна господствуетъ отрицательный взглядъ на слово о крестномъ знаменіи, приписываемое раскольниками прен. Максиму. Важнѣйшимъ изъ основаній къ сомнѣнію относительно подлинности Максимова слова о двуперстіи служитъ самое его содержаніе, его характеръ, составъ и способъ изложенія, несоотвѣтствующіе, будто бы, общему характеру сочиненій Максима Грека и господствующимъ въ нихъ литературнымъ приемамъ. Такая постановка возраженій была намѣчена еще въ XVII вѣкѣ, подробнѣе высказана въ XVIII, а въ XIX яснѣе сгруппирована и дополнена. Такъ, обычно указывали, что статья о двуперстіи, можетъ быть, была вставлена въ сборникъ сочиненій Максима ревнителями дву-

перстия уже въ XVII вѣкѣ, такъ какъ въ рукописяхъ XVI вѣка ея нѣтъ; что «самое содержаніе сей статьи показываетъ, что въ ней о двуперстии писаль человекъ запутывающійся въ понятіяхъ и словахъ, какимъ преп. Максимъ никогда не былъ»; что если бы Максимъ написалъ свое слово до Стоглаваго собора, то Стоглавый соборъ не преминулъ бы воспользоваться этимъ свидѣтельствомъ, такъ какъ въ свидѣтельствахъ въ пользу двуперстія нуждался, а такъ какъ Стоглавый соборъ этой ссылки не сдѣлать, то слѣдуетъ заключить, что Максимъ сталъ говорить о двуперстии лишь по примѣру этого собора и «въ такомъ случаѣ должно пожалѣть о трудномъ положеніи бѣдствующаго старца, а не ссылаться на свидѣтельство, вынужденное обстоятельствами». Однако ни одно изъ этихъ возраженій, касающихся рѣшенія вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, не можетъ быть признано вполнѣ выдерживающимъ критику. Такъ, теперь стали извѣстны сборники сочиненій Максима XVI вѣка съ словомъ о двуперстии: таковъ сборникъ Хлудовской бібліотеки, писанный въ 1563 году, значить всего лишь семь лѣтъ спустя послѣ смерти Максима: слова о двуперстии здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ и нѣкой второй половины сборника, по оглавленію послѣдней есть и по этому оглавленію 40-я глава показываетъ: «Сказъ како знаменатися крестнымъ знаменіемъ»: таковъ, еще болѣе важный, сборникъ митр. Иоасафа, нынѣ— въ бібліотекѣ Московской академіи: это списокъ собранія сочиненій Максима, которое принадлежитъ самому Максиму, и въ этомъ собраніи есть слово о двуперстии. Затѣмъ, что касается неясности изложенія въ этомъ словѣ, то оно можетъ быть легко объяснено недостаточнымъ знаніемъ его авторомъ русскаго языка: съ этой точки зрѣнія выраженіе Максима, главнымъ образомъ служащее камнемъ преткновенія для изслѣдователей, — «совокупленіемъ тріехъ перстей, сирѣчь: пальца и еже отъ средняго и малаго исповѣдуемъ... протяженіемъ же до праго и средняго исповѣдуемъ», — можетъ быть понято такъ, что слово «средній» у Максима употреблено не о взаимномъ положеніи перстовъ, а объ ихъ относительной величинѣ, и разумѣется подъ «среднимъ» въ первомъ случаѣ малый средній, а во второмъ—указательный, а подъ долгимъ большой средній. Далѣе, Максимъ могъ написать слово о двуперстии и ранѣе 1551 года, когда состоялся Стоглавый соборъ, и всетаки послѣдній могъ и не ссылаться на Максима: вѣдъ собору нужно было авторитетное свидѣтельство, а Максима

стали читать только постѣ отшествія его въ небесныя обители. Наконецъ: какъ могъ Максимъ рѣшиться написать слово о двуперстїи, когда онъ, бесспорно, зная, что греческая церковь употребляетъ троеперстїе, и конечно троеперстїю же онъ былъ наученъ и самъ на своей родинѣ въ юности своей? Дозволяетъ ли допустить это «уваженіе къ характеру и памяти преподобнаго»?

Дѣйствительно, существованіе троеперстїя въ греческой церкви въ XVI вѣкѣ, когда жилъ Максимъ, не подлежитъ сомнѣнію. Хотя въ «Поморскихъ отвѣтахъ» и утверждается, что прїѣзжавшіе на Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка восточные патріархи — Іеремія и Ософанъ крестились двуперстно, но, въ противорѣчіе себѣ, сами же раскольники увѣряютъ, что грековъ научилъ троеперстїю еще шодіаконъ Дамаскинъ, а онъ жилъ еще предъ взятіемъ Константинополя турками. Солунскій шодіаконъ монахъ Дамаскинъ Студитъ, бывший впоследствии митрополитомъ Навпакты и Арты, говоритъ о троеперстїи въ одномъ изъ своихъ поученій въ недѣлю крестопоклонную; это поученіе вошло въ книгу Дамаскина «Θησαυρός—Сокровище», изданную на греческомъ языкѣ въ первый разъ въ Венеціи въ 1568 году. Отъ XVI вѣка известно свидѣтельство о троеперстїи въ греческой церкви по сочиненію александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса, посвященному названіе «Χριστιανός ὀρθόδοξος—Православный христіанинъ» и написанному не позднѣе 1587 года,—того самаго Мелетія, который, вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, содѣйствовалъ учрежденію патріаршества въ Россіи и писалъ одобрительныя письма къ князю Василію Острожскому противъ уніи, помѣщенные въ извѣстной «Кирилловой книгѣ». Наконецъ, отъ XVII вѣка есть свидѣтельство ученаго грека Христофора Ангела, уроженца Пелопонеса, ушедшаго изъ своего отечества въ началѣ XVII вѣка въ Англію и тамъ въ гор. Кембриджѣ въ 1619 году издавшаго свое сочиненіе о состоянїи современныхъ грековъ: въ этой-то книгѣ и находится указаніе, что православные греки того времени употребляли для крестнаго знаменія три первые перста.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Максимъ Грекъ съ дѣтства своего наученъ былъ троеперстїю и, конечно, зная, что троеперстїе—всеобдержный обычай гречко-восточной церкви его времени. И однако и это обстоятельство, наиболѣе повидимому важное, не препятствуетъ тому, чтобы признать слово

Максима о двуперстіи подлиннымъ. Дѣло въ томъ, что Максимъ тогда жилъ не въ Греціи, а въ Россіи; а въ московской Руси въ XVI вѣкѣ, на ряду съ троеперстіемъ, употреблялось двуперстіе, и даже стремилось взять перевѣсъ надъ троеперстіемъ. «Если бы,—скажемъ словами профессора Е. Е. Голубинскаго, прекрасно выясняющаго данное обстоятельство по отношенію къ прен. Максиму,—если бы Максимъ написалъ свое слово съ парочитою цѣлью сказать, что *должно* креститься двоеперстно... или хотя бы... *такъ* выражался въ немъ относительно формы или образа перстосложенія: тогда, конечно, было бы несомнѣнно... что онъ личнымъ образомъ, по чему-то совершенно для насъ непонятному, предпочиталъ московское перстосложеніе принятому и общеупотребительному тогда греческому». Но въ словѣ Максима этого *должно* вовсе нѣтъ. «Слово написано имъ въ отвѣтъ на чью-то просьбу раскрыть силу образа крестнаго... и, не говоря предписательно, что персты для крестнаго знаменія должно слагать такимъ-то образомъ, онъ говоритъ повѣствовательно, что такое-то сложение перстовъ для крестнаго знаменія, именно двоеперстное, значить то-то». Эта повѣствовательная рѣчь Максима «можетъ быть понимаема двояко: или что онъ дѣйствительно предпочиталъ двоеперстіе троеперстію, или же что онъ только не отвергалъ перваго, какъ именно русскаго обычая. Изъ двухъ возможныхъ объясненій рѣчи Максимовой за объясненіе истинное, безспорно, должно быть признано второе, а не первое. Относительно подверженнаго измѣненію обычая, каковъ—способъ сложения перстовъ для крестнаго знаменія, дѣло состояло не въ какихъ-нибудь археологическихъ доказательствахъ,—предполагая, что таковыя доказательства могли быть указаны Максиму въ пользу двоеперстія.—а въ относительномъ авторитетѣ церкви, которая расходилась между собой касательно обычая; но, конечно, никто не найдетъ возможнымъ и вѣроятнымъ предположить, чтобы авторитетъ русской церкви Максимъ признавалъ высшимъ авторитета церкви греческой». Но такъ какъ въ отношеніи къ обычаямъ безразличнымъ русская церковь нисколько не обязана была непременно находиться въ полномъ согласіи съ церковію греческой; то Максимъ «долженъ былъ признавать за русскими право держаться ихъ особаго отъ грековъ обычая относительно перстосложенія, а слѣдовательно—и говорить объ этомъ обычаѣ, когда былъ къ тому вызванъ, какъ объ обычаѣ, который былъ имъ признаваемъ».

Итакъ, несправедливо отвергать или подозрѣвать подлинность слова о двуперстіи, находящагося въ сборникѣ сочиненій Максима Грека: оно написано самимъ преподобнымъ. Но несправедливо поступаютъ и раскольники, когда указываютъ на Максима, какъ на авторитетнаго представителя греческой церкви. Ни авторитетъ греческой церкви, ни авторитетъ Максима Грека здѣсь не при чемъ. Максимъ не писалъ ни о древности двуперстія, ни о сравнительномъ его превосходствѣ, ни тѣмъ болѣе о превосходствѣ исключительномъ. Отъ дѣтства своего Максимъ былъ наученъ троеперстію, и если писалъ о двуперстіи, то лишь потому, что не смотрѣлъ на обряды пораскольнически, полагая, что и двуперстіе можетъ быть священнымъ перстосложеніемъ, какъ и троеперстіе, если съ нимъ соединяется правильная въ догматическомъ отношеніи мысль. Да и можете ли сказать раскольники, что Максимъ писалъ о двуперстіи *старообрядческомъ*? Старообрядцы требуютъ, чтобы указательный перстъ и великосредній были соединены вмѣстѣ «во образованіе двухъ во Христѣ спешшихся естествъ», причемъ великосредній должно «имѣть мало наклонно», чѣмъ образуется: «преклонъ небеса, сниде на землю». А въ словѣ Максима Грека «спешшаяся» два естества во Христѣ образуются не соединеніемъ обоихъ перстовъ, а *протяженіемъ*: «протяженіемъ же долгаго и средняго образуются два естества во Христѣ». Мало того: о припутіи великосредняго перста совсѣмъ не говорится у Максима. Очевидно, что преп. Максимъ Грекъ, хотя и допускалъ возможность двуперстія, какъ формы для крестнаго знаменія, но онъ не защищалъ непрямосовешность двуперстія ни со стороны его внѣшняго вида, ни со стороны внутренняго смысла. Конечно, нельзя сказать того, что Максимъ не допустилъ бы двуперстіе той формы и смысла, какія имѣетъ двуперстіе старообрядческое; но ясно какъ день, что старообрядцы должны отказаться: или отъ мысли о неизмѣняемости ихъ двуперстія, или отъ ссылки на авторитетъ преп. Максима ¹⁾.

П. Смирновъ.

¹⁾ Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки